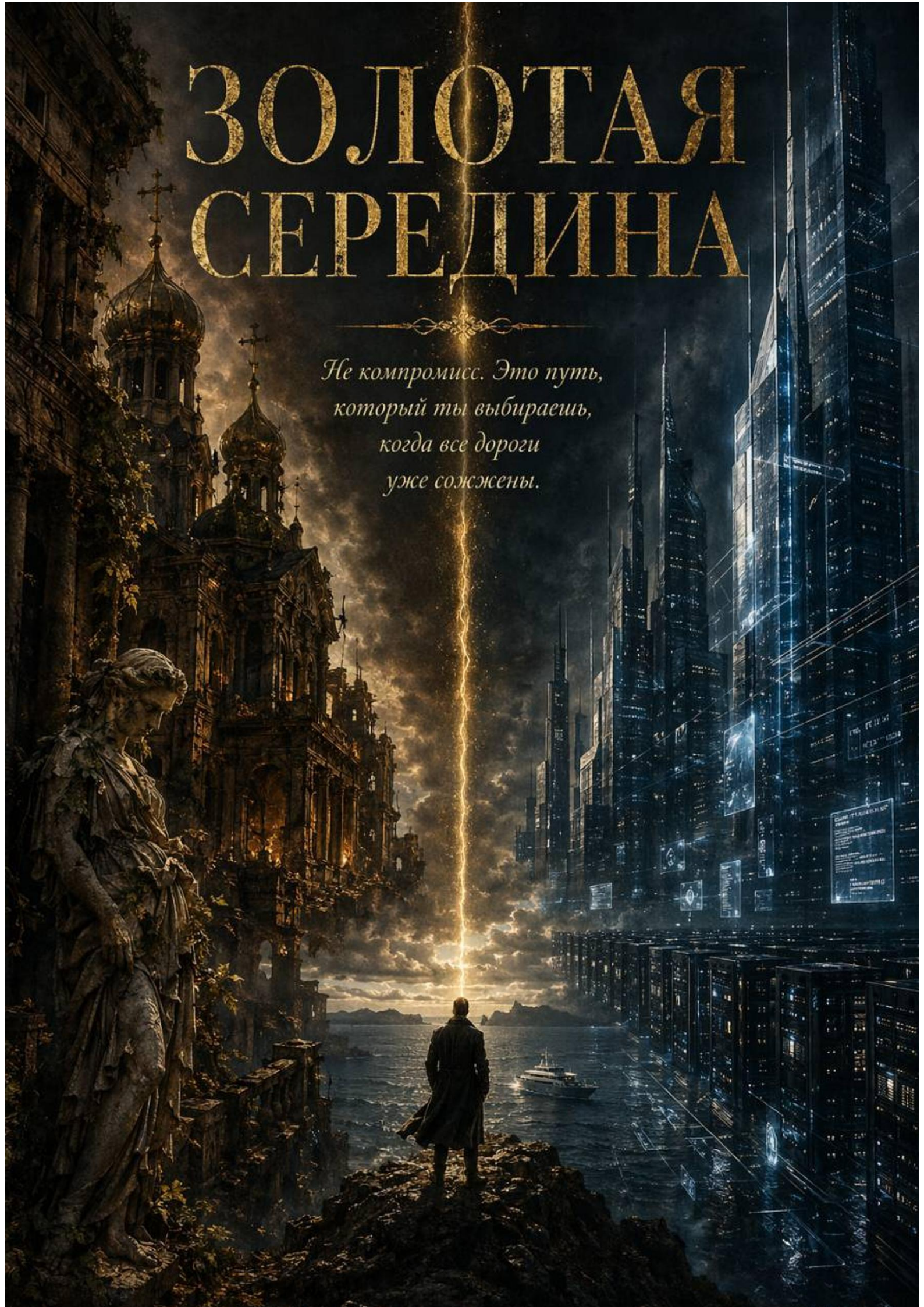

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

*Не компромисс. Это путь,
который ты выбираешь,
когда все дороги
уже сожжены.*

Теодорос Феофилакт
Золотая середина

«Автор»

2026

Феофилакт Т. А.

Золотая середина / Т. А. Феофилакт — «Автор», 2026

Россия будущего разделена на три касты. Дуалист Александр Кокошен влюбляется в дочь князя, предотвращает покушение на её отца, становится изгоем для всех, бежит в горы, а потом возвращается, чтобы предложить миру золотую середину. Роман о поиске баланса между традициями и технологиями, о любви и политике бы предложить миру не революцию, не контрреволюцию, а третий путь.

© Феофилакт Т. А., 2026

© Автор, 2026

Теодорос Теофилакт

Золотая середина

Комплекс «Империум» вырос из скал, как белый корабль, пришвартованный к вечности. Его стеклянные стены, отполированные до зеркального блеска, отражали бирюзовое море и бесконечное небо, создавая иллюзию, что здание парит над пропастью. Архитекторы, проектировавшие этот монстр, явно вдохновлялись античными храмами и футуристическими концепциями одновременно — колоннада в дорическом стиле соседствовала с голографическими проекторами, вмонтированными в карнизы, а мраморные ступени вели к дверям, которые открывались без прикосновения, реагируя на биометрию гостей.

Сюда, на закрытый ежегодный саммит «Империум», съезжалась вся элита страны. Но не той страны, которую знал старый мир. Россия, пережившая перерождение после череды катастроф, теперь жила по новым законам, которые сочетали в себе архаику и гиперсовременность. Империя, восстановленная тридцать лет назад, обрела второе дыхание, но вместе с дыханием пришли и новые болезни — раскол, недоверие, цифровая лихорадка.

Общество разделилось на касты, и это разделение было не менее жёстким, чем в дореволюционные времена. «Большие» — потомственные аристократы, чьи фамилии значились в бархатных книгах, и крупные промышленники, владевшие заводами, шахтами, нефтяными вышками и половиной национального банка. Они носили старомодные костюмы, говорили медленно и веско, и смотрели на всех остальных свысока, как на обслуживающий персонал. «Малые» — парламентские деятели, технократы, блогеры-инфлюенсеры, стартаперы и прочая публика, которая обеспечивала цифровую инфраструктуру и создавала видимость демократии. Они были моложе, активнее, но при этом зависели от рейтингов и алгоритмов куда больше, чем от собственного мнения.

И между ними — третья сила, дуалисты. Они верили, что можно сохранить монархию, но дать больше власти Парламенту. Они верили, что ИИ может быть помощником, а не хозяином. Они верили, что традиции и технологии могут сосуществовать, как два крыла одной птицы. Но их вера была слишком хрупкой для этого мира, где компромисс считался слабостью, а умеренность — предательством.

Александр Фёдорович Кокошен стоял у стеклянной стены и смотрел на море. Ему было тридцать два года, но в его серых глазах читалась усталость человека, который уже многое повидал и многое потерял. Тёмные вьющиеся волосы непослушно падали на лоб, и он периодически откидывал их назад привычным жестом. На нём был строгий костюм-тройка тёмно-синего цвета, без галстука — дань моде дуалистов, которые любили смешивать аристократическую классику с современной небрежностью. В руке он держал бокал с минеральной водой, лёд уже почти растаял, и пузырьки лениво поднимались к поверхности.

Смартфон, как и у всех гостей, был сдан на входе в специальный сейф — на «Империуме» царила строжайшая конфиденциальность. Голограммы и проекции работали, но записывать и передавать информацию было запрещено под страхом исключения из элиты. Здесь не было места утечкам — слишком многое решалось за этими стенами: контракты на миллиарды, политические союзы, раздел сфер влияния. Здесь каждый взгляд мог означать сделку или угрозу, каждое слово — приговор или помилование.

Александр не любил эти мероприятия. Он чувствовал себя чужим среди «больших», которые смотрели на него как на выскочку, и среди «малых», которые считали его предателем за то, что он не поддерживал их радикальные идеи. Но он знал, что должен быть здесь. Только так он мог приблизиться к своей цели — изменить систему изнутри, не ломая её до основания.

Сегодняшний день был особенно тяжёлым. Утром он получил письмо от своего отца, который жил теперь в Царицыне, в старом доме, который когда-то был родовым гнездом Кокосена — до революции, до смуты, до всех этих бесконечных перемен. Отец писал коротко и сухо, как всегда:

«Саша, мать болеет. Врачи говорят — сердце. Она просила не говорить тебе, но я считаю, что ты должен знать. Приезжай, если сможешь. Мы не вечны.»

Александр сжал бокал сильнее, и лёд звякнул о стекло. Он не мог поехать сейчас. Саммит был слишком важен. Но внутри закипала горечь — в который раз он жертвовал семьёй ради дела, ради идеи, ради чего-то, что могло стать либо спасением, либо ещё одной иллюзией.

— Саша! — раздался голос за спиной, и он вздрогнул от неожиданности.

Он обернулся и увидел двух людей, которые шли к нему через главный зал, ловко лавируя между официантами с подносами, украшенными голографическими узорами. Денис Корсаков и Ольга Белозёрова.

Денис был высоким, широкоплечим, с вечной щетиной и нахмуренными бровями. Он носил дорогой пиджак, но галстук был сбит набок, а пуговица на рукаве болталась — он всегда был небрежен, даже когда пытался выглядеть солидно. Сейчас он казался ещё более растрёпанным, чем обычно: под глазами залегли тени, а уголки губ подёргивались нервным тиком.

Ольга, напротив, была безупречна: тёмно-синее платье в пол, идеальный макияж, ухоженные руки с маникюром и тонкий браслет, который светился в такт её сердцебиению — встроенный биодатчик, последний писк моды. Но Александр знал её слишком хорошо, чтобы не заметить трещины в этой идеальной картине — она выглядела измотанной, словно несла на плечах невидимый груз, который с каждым годом становился всё тяжелее.

Они были его друзьями детства. В другой жизни, в закрытом посёлке под Царицыном, они вместе бегали по Волге, лазили по разрушенным храмам, искали клады в бурьяне и клялись друг другу в вечной дружбе. Тогда ещё не было каменных перегородок, не было рейтингов и цифровых паспортов. Были только песок, вода, смех и вера в то, что мир будет лучше.

Теперь Денис был депутатом Парламента от партии дуалистов, а Ольга руководила крупным стартапом по цифровой логистике, который приносил миллионы. Они оба достигли высот, о которых в детстве не мечтали, и оба платили за это непомерную цену.

— Тысячу лет не виделись, — сказал Денис, хватая с подноса бокал с красным вином и делая большой глоток. — Ты пропал, брат. Сначала твоя презентация по парламентскому контролю, потом этот дурацкий проект «Сельский ИИ», потом ты перестал отвечать на звонки. Ты вообще выходишь из дома?

— Выхожу, — усмехнулся Александр, обнимая их по очереди. — Просто не люблю светские трепыхания. Надоело слушать, кто кого перепостил и у кого упал рейтинг одобрения. Это всё иллюзия.

Ольга вздохнула и опустилась на диван, обитый тёмно-синим бархатом. Она положила ногу на ногу и задумчиво погладила браслет.

— Саш, ты не представляешь, как я устала, — сказала она тихо, так, чтобы никто из посторонних не услышал. — У меня в компании семьсот сотрудников, и каждый день я должна доказывать «большим», что мой алгоритм не угрожает национальной безопасности. Они требуют доступ к коду, к серверам, к переписке. Они шлют своих аудиторов, которые сидят в моём кабинете и проверяют каждый чих. А «малые» из моей же партии орут, что я продалась аристократам и прячу данные. Я между молотом и наковальней. Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

Денис хмыкнул и присел на подлокотник дивана.

— А ты знаешь, сколько мне угрожали сливом цифрового следа? — сказал он, делая ещё один глоток. — Они нашли мои старые фотографии, где я на пляже в юности, и теперь шантажируют. Говорят, если я проголосую против их законопроекта, эти фото окажутся в сети. И никто не поверит, что мне было восемнадцать и я просто дурачился. Все подумают, что я извращенец. У меня уже паранойя. Я сплю с телефоном под подушкой и проверяю рейтинг каждые полчаса. Рейтинг, Саша! Как будто от него зависит моя жизнь. Но ведь так и есть.

Александр молчал. Он смотрел на друзей — на их измученные лица, на дрожащие руки, на пустоту в глазах, которая становилась всё глубже с каждым годом. Он вспомнил, какими они были пятнадцать лет назад. Тогда они сидели на крыше старого дома, пили лимонад и мечтали. Денис хотел стать лётчиком, Ольга — художницей, а он — просто сделать мир лучше. Теперь у Дениса была ипотека и панические атаки, у Ольги — гипертония и бессонница, а у него самого — только пустая квартира и стопка неотвеченных писем.

— А помните, как мы в детстве? — вдруг сказала Ольга, и голос её дрогнул. — Помните Царицын? Как мы бегали к Волге, лазили в старые развалины, искали клады в бурьяне? Никаких рейтингов, никаких голограмм, никаких цифровых паспортов. Помните, как мама пекла пироги с яблоками, а мы сидели за большим деревянным столом и просто болтали? Всё было понастоящему. А сейчас... сейчас я даже не знаю, кто из моих сотрудников настоящий, а кто — бот, созданный конкурентом.

Денис опустил голову и уставился в пол.

— Я помню, — сказал он хрипло. — Я помню, как мы купались в Волге, когда вода была прозрачная. Помню, как твоя мама, Оль, давала нам яблоки из своего сада. И мы лежали в траве и смотрели на облака. Казалось, что так будет всегда. А сейчас... я даже не помню, когда последний раз смотрел на облака. Я смотрю только в экран.

Повисла тягостная тишина. В центре зала играла музыка — живой квартет, который специально пригласил князь Шаховский. Скрипка и виолончель выводили старую мелодию, которую Александр слышал в детстве от бабушки. Тогда эта музыка казалась ему скучной,

старомодной. Сейчас она звучала как глоток свежего воздуха, как напоминание о том, что существует красота вне цифр и алгоритмов.

— Это всё было так давно, — тихо сказал Александр, переводя взгляд с друга на подругу. — Мы выросли. Стали теми, кем хотели стать? Нет. Мы стали теми, кого сделала система. Но скажите мне честно, прямо сейчас, глядя в глаза: мы стали счастливее?

Денис и Ольга переглянулись. Оба молчали. Ольга отвернулась, и Александр заметил, как её плечи дрогнули — она плакала. Денис сжал бокал так сильно, что побелели костяшки пальцев, и вино чуть не выплеснулось на ковёр.

— Нет, — ответил Денис наконец, и голос его звучал глухо, с надрывом. — Мы не стали счастливее. Мы стали богаче, влиятельнее, известнее. Но внутри... внутри мы пустые. Как эти голограммы — красивые снаружи, но неосвязаемые. Как воздушные замки, которые рушатся от одного дуновения ветра.

— И что нам делать? — прошептала Ольга, вытирая глаза тыльной стороной ладони. — Как нам вернуть ту жизнь? Где был смысл, а не цифры?

Александр задумался. Он всегда считал, что политика — это инструмент для изменений. Но сейчас, глядя на друзей, он понял, что инструмент сломался. Или его использовали не по назначению. Система, которую он пытался реформировать, перемалывала людей, как жернова, превращая их в безликие биороботы, запрограммированные на бесконечную гонку.

— Я не знаю, — честно ответил он. — Но я знаю одно: мы должны попытаться что-то изменить. Мы не можем просто сидеть и смотреть, как нас поглощает этот цифровой хаос. Мы должны найти золотую середину. Таковую, где люди остаются людьми, а технологии — только слугами. Не хозяевами.

— Ты говоришь как философ, — усмехнулся Денис, хотя в его усмешке не было ни капли веселья. — А политикам нужны не философы, а прагматики. Ты же знаешь. Философы проигрывают выборы, а прагматики их выигрывают.

— Тогда я буду прагматичным философом, — улыбнулся Александр. — Или философствующим прагматиком. Мне всё равно, как меня называют. Мне важно, что я делаю.

Они ещё немного постояли втроём, вспоминая старые шутки и забытые истории. На несколько минут они снова стали теми детьми, которые не знали, что такое рейтинг или цифровой паспорт. Они смеялись, вспоминая, как Денис однажды упал в реку с лодки, и как Ольга испекла торт, который оказался несъедобным. На несколько минут они забыли, кто они сейчас, и просто были вместе.

Но потом Ольга взглянула на браслет, который тихо мигнул, и тяжело вздохнула.

— Мне пора, — сказала она. — Совещание с инвесторами через час. Они звонят из-за границы, требуют отчёт. Если я не отвечу, они выйдут из проекта. А это пятьсот рабочих мест. Я не могу позволить себе провал.

— Я тоже, — сказал Денис, ставя пустой бокал на поднос пробегающего официанта. — Завтра голосование по бюджету. Надо подготовиться. Иначе меня сожрут на утреннем засе-

дании. У нас там идёт перетягивание каната — «большие» хотят сократить финансирование цифровых проектов, а «малые» — увеличить. Мне нужно найти какой-то компромисс, иначе я окажусь между двух огней.

Они обнялись на прощание — крепко, по-родному, как в детстве. Александр чувствовал тепло их тел, слышал запах духов Ольги и лёгкий аромат вина от Дениса, и на мгновение ему показалось, что всё ещё можно исправить.

Но потом они ушли, и он остался один.

Он снова повернулся к стеклянной стене. Закат уже начался, и небо окрасилось в пурпурные и золотые тона, отражаясь в глади Чёрного моря. Голографические логотипы над комплексом зажглись ярче, привлекая внимание гостей, но Александр не смотрел на них. Он смотрел на горизонт, где море сливалось с небом, и думал о том, как всё сложно в этом мире.

Внутри, в центре зала, скрипка заиграла что-то печальное, похожее на прощание. Александр узнал эту мелодию — старый романс, который пела его мать, когда он был маленьким. Она сидела у старого пианино, и её голос звучал мягко, убаюкивающе. Сейчас эта музыка вызывала одновременно и тепло, и боль. Он вдруг остро осознал, как сильно скучает по дому, по родителям, по той тихой жизни, которую он оставил ради своей борьбы. Он вдруг подумал: а стоило ли?

В этот момент он заметил её.

Она стояла у левого борта террасы, которая выходила прямо на море. Светящиеся волны разбивались о скалы далеко внизу, и белая пена взлетала в воздух, оседая на камнях. А она стояла неподвижно, как изваяние, как античная статуя, сошедшая с пьедестала.

Длинные русые волосы переливались на ветру, платье цвета слоновой кости струилось, как вода, а в руках она держала бумажную книгу — настоящую, с пожелтевшими страницами, с переплётом, потёртым временем, с золотым тиснением на корешке. Александр видел такие книги только в музеях или в домах старых аристократов, которые хранили память о прошлом. Никакого планшета, никакого ридера, никакого экрана. Бумага.

Он не мог отвести взгляд. В этой фигуре было что-то невероятно притягательное — не просто красота, нет, а именно естественность, которую он так давно не встречал. Она не проверяла рейтинг, не улыбалась фальшиво, не искала глазами важных людей. Она просто стояла, читала, смотрела на море, и ей было достаточно самой себя.

Александр сам не заметил, как его ноги понесли его к выходу на террасу. Он миновал стеклянные двери, прошёл мимо пары гостей, которые что-то оживлённо обсуждали, и оказался на открытом воздухе. Ветер тут же ударил в лицо, принося запах соли, водорослей и свободы. Звёзды над головой были такими яркими, какими они бывают только в Крыму, далеко от городских огней.

Она повернулась на звук шагов. Её глаза — тёмно-карие, глубокие, живые — встретились с его глазами. Она не удивилась, не насторожилась, а просто слегка приподняла бровь, как будто спрашивала: «Ты тоже сбежал оттуда?»

— Красивый вечер, — сказал Александр, подходя к перилам на расстоянии пары метров. Он не хотел нарушать её личное пространство, но и уйти уже не мог.

— Красивый, — согласилась она, закрывая книгу пальцем, чтобы не потерять страницу. Её голос был мягким, с лёгкой хрипотцой — как будто она давно не разговаривала вслух. — Только вид портит этот голографический логотип над морем. «Империиум» — светится, как игрушка. Не даёт смотреть на звёзды. Голограммы вообще ужасны. Они кричат, они лезут в глаза, они делают вид, что важнее реальности.

— Я тоже это заметил, — улыбнулся Александр. — Можно, я постою рядом? Я не буду мешать читать. Мне просто нужен свежий воздух.

— Мешать? — она приподняла вторую бровь, и уголки её губ дрогнули в лёгкой, чуть насмешливой улыбке. — Вы — единственный, кто подошёл не с телефоном в руке. Здесь все либо говорят по ним, либо пялятся в экраны, либо записывают голограммы, чтобы потом выложить в сеть. А вы с пустыми руками. И без наушников. Вы не боитесь, что пропустите важный звонок?

— Боюсь, — честно ответил он. — Но звонки подождут. Они всегда подождут. Жизнь — она здесь, а не в трубке. Или в книге, как у вас.

Она посмотрела на него внимательнее, как будто оценивая, настоящий он или очередной актёр, играющий честного человека. В её взгляде не было враждебности, но была настороженность — привычка человека, которого слишком часто обманывали.

— Вы, наверное, дуалист? — спросила она.

— Вы угадали. Александр Кокошен. Я дуалист, но не радикал. Я за то, чтобы человек оставался человеком, а машины служили ему, а не наоборот. Это, наверное, звучит банально, но это моя позиция.

— Тогда вы редкая птица, — сказала она, и в голосе зазвучала тёплая ирония. — Все дуалисты, которых я знаю, хотят поставить ИИ вместо судей, заменить законы алгоритмами и превратить Парламент в цифровую биржу голосов. Они говорят о свободе, а на деле хотят тотального контроля — только не со стороны людей, а со стороны машин. Это пугает. Даже меня, а я не из робких.

— Это пугает и меня, — признался Александр. — Поэтому я пытаюсь найти золотую середину. Но наша партия — она раздроблена. Радикалы кричат громче всех, а умеренные молчат. Я хочу изменить это. Хочу показать, что можно иначе.

Она пристально смотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то вроде признательности. Она закрыла книгу окончательно и повернулась к нему всем корпусом.

— Я Елизавета, — сказала она, протягивая руку. — Вы знаете мою фамилию?

— Знаю, — сказал он, пожимая её ладонь. Она была прохладной и мягкой, с тонкими пальцами, которые держали книгу с удивительной нежностью. — Вы — дочь князя Шаховского.

— И вы не боитесь моего отца? — она улыбнулась, но улыбка была грустной, почти трагичной.

— Я уважаю вашего отца, — ответил Александр, глядя ей прямо в глаза. — И хочу с ним поговорить. У меня есть идея, как объединить партии, как создать систему, в которой и монархия, и Парламент, и технологии будут работать вместе. А бояться можно чего угодно, но тогда ничего не изменится.

Елизавета задумалась. Она перевела взгляд на море, на тёмную бесконечность, где вдалеке мерцали огни Севастополя. Ветер трепал её волосы, и они падали ей на лицо, но она не убирала их.

— Знаете, — сказала она наконец, — а вы мне нравитесь. Вы говорите не как политик. Вы говорите как человек, который ищет правду. Мой отец всегда говорит, что правда — это роскошь, которую политики не могут себе позволить. Но, может быть, он ошибается.

— Может быть, мы оба ошибаемся, — улыбнулся Александр. — Но ошибаться, пытаясь найти правду, лучше, чем правильно сидеть на месте и ничего не делать.

Она тихо рассмеялась — звонко, искренне, как ребёнок. В этом смехе было что-то такое, что заставило сердце Александра забиться быстрее. Он не слышал такого смеха уже много лет.

— Слушайте, Александр, — сказала она, повернувшись к нему и глядя прямо в глаза. — Я здесь уже третий час, и я смертельно устала от этой фальши. Все эти «большие» с их напыщенными речами, все эти «малые» с их вечными ссылками на рейтинги и цифровые следы. Я хочу на час забыть, кто я. Я хочу просто побыть девушкой, которую пригласили на свидание. Вы можете это организовать?

Александр опешил. Он не ожидал такой прямоты — никто в этом мире не говорил так прямо, не снимая масок. Но внутри что-то щёлкнуло, и он вдруг почувствовал невероятную смелость, граничащую с безумием.

— Могу, — сказал он, и голос его прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. — Я видел у причала классическую яхту. Старую, итальянскую, с деревянной палубой и без всякой электроники. Никаких голограмм, никакого Wi-Fi. Только море и звёзды. Хотите сбежать на час?

Елизавета посмотрела на него с прищуром — она явно оценивала его серьёзность.

— Я хочу сбежать до утра, — сказала она, и в её голосе не было ни капли кокетства, только честность. — Но начнём с часа.

Она сняла босоножки, взяла их в руку, и, придерживая подол платья, пошла к лестнице, ведущей вниз, к тёмной воде, где покачивался белый корпус яхты. Александр на мгновение замер, глядя на её лёгкую, почти невесомую фигуру, которая двигалась так грациозно, будто она танцевала, а затем бросился за ней.

Они не видели, что в центре зала за их спинами трое технократов из «Цифрового прорыва» переглянулись. Один из них, высокий и худой, с беспокойными глазами и неестественно бледной кожей, коснулся наушника и тихо произнёс в микрофон:

— Кокошен вышел с дочерью Шаховского. На яхту. Это шанс. Готовьте код. Дрон будет через час.

Его собеседник на том конце коротко ответил:

— Понял. Работаем.

Технократ убрал руку от уха и зловеще улыбнулся. Его глаза сверкнули в свете голограмм, и он растворился в толпе гостей, как призрак.

Но Александр ничего не слышал. Он вёл Елизавету вниз по ступеням, чувствуя, как ветер с моря бьёт в лицо, и впервые за много лет он был совершенно свободен. Свободен от политики, от рейтингов, от цифровых цепей. Он был просто мужчиной, который вёл женщину на свидание. И это было важнее всех саммитов мира.

У трапа он помог ей ступить на борт. Яхта, которую он арендовал накануне, была классической спортивной моделью итальянского производства 1990-х годов — белый стеклопластиковый корпус, деревянная палуба, механический штурвал, компас и старый добрый дизельный двигатель, который гудел ровно, как кот на печи. Никаких сенсорных панелей. Только рычаги, тросы и стрелки приборов.

— Это сказка, — прошептала Елизавета, ступая босиком на тёплое дерево палубы. — Здесь даже воздух другой. Не пахнет политикой, не пахнет ложью.

— Здесь пахнет только солью и свободой, — ответил Александр, отвязывая швартовы от пирса. — И это лучшее, что я могу тебе предложить.

Он завёл двигатель — мотор взревел ровно, мощно, и яхта плавно отошла от причала. Городские огни Ялты начали медленно удаляться, голографический логотип «Империума» уменьшился до маленькой светящейся точки, а над головой развернулось бескрайнее звёздное небо, такое чистое, каким оно бывает только вдали от больших городов.

Елизавета села на кормовую подушку, обхватив колени руками, и смотрела на воду, которая переливалась в лунном свете, как живое серебро. Александр встал у штурвала, но не сводил с неё глаз.

— Куда мы плывём? — спросила она, не оборачиваясь.

— Туда, где нет сигнала, — ответил он. — Туда, где остаются только мы и море. Туда, где никто не знает, кто мы такие.

И они поплыли в ночь, оставляя позади весь этот цифровой мир с его рейтингами, интригами и голограммами. Они плыли навстречу чему-то настоящему, что оба так давно искали и не могли найти.

Но за их спинами, в тёмном небе, уже бесшумно поднимался в воздух маленький квадрокоптер с чёрным матовым корпусом, и его красный глазоккамера неотрывно следил за белым корпусом яхты, уходящей в открытое море. Яхта скользила по чёрной глади моря, оставляя

за кормой светящийся фосфоресцирующий след, который медленно затухал в темноте, словно небесный светильник, угасающий на рассвете. Дизельный двигатель работал ровно и тихо — Александр специально выбрал эту модель за её старую, механическую душу, за то, что она не была напичкана электроникой до самых болтов, как современные плавучие компьютеры. Здесь, на этой яхте, не было искусственного интеллекта, управляющего курсом, не было автопилота, навигационных голограмм и системы «умный дом». Был только штурвал, компас, карта, звёзды и руки человека, который держал курс.

Елизавета сидела на кормовой подушке, поджав под себя ноги, и смотрела на воду. Её платье цвета слоновой кости струилось вокруг неё, как жидкое серебро, и при каждом движении ткань переливалась в свете луны, создавая игру теней, которая завораживала. В руках она по-прежнему держала книгу — старый, потёртый томик, который, как понял Александр, был с ней всегда, как талисман, как кусочек иного мира, где бумага ещё имела значение.

Александр стоял у штурвала, одной рукой управляя судном, а другой сжимая холодное стекло компаса. Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри разливается что-то тёплое и странное — чувство, которое он уже почти забыл. Это было похоже на детство, когда мир казался простым и понятным, когда люди смотрели друг другу в глаза, а не в экраны, когда слова имели вес, а не были просто комбинацией символов в мессенджере.

— Ты знаешь, — сказала она неожиданно, и её голос прозвучал тихо, но отчётливо, как будто она разговаривала сама с собой, — я не была на море уже три года. Три года, Александр. Мой отец боится, что меня похитят или убьют. У него паранойя, гипертрофированная, почти болезненная. Он держит меня в клетке из охраны, цифровых замков, биометрических датчиков и запретов. Каждый мой шаг записывается, каждое слово анализируется. Я живу в золотой клетке, и эта клетка становится всё меньше с каждым годом.

Александр почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он хотел сказать что-то ободряющее, но слова застревали в горле. Ему казалось, что любая банальность прозвучит оскорбительно.

— А здесь, — продолжила она, не оборачиваясь, — здесь я чувствую себя человеком. Свободным человеком. Я слышу ветер, я чувствую запах воды, я вижу звёзды. И никто не смотрит на меня с экранов, не оценивает мой рейтинг, не просчитывает мои действия на десять шагов вперёд. Я просто есть. И это самое большое счастье, которое я испытывала за последние годы.

Она повернула голову и посмотрела на него. В её глазах блестела влага — не от ветра, нет. Слёзы. Но она не плакала, она просто позволяла им быть, не скрывая и не стыдясь.

— Спасибо тебе, Александр, — сказала она. — За этот вечер. За эту яхту. За то, что ты — настоящий.

Он не выдержал. Он оставил штурвал — яхта шла ровно, курс был проложен по звёздам, как в старые времена — и подошёл к ней. Сел рядом, почти касаясь плечом. Тёплое дерево палубы отдавало дневным жаром, и этот природный, живой холодок контрастировал с искусственным холодом «Империума», где кондиционеры работали на полную мощность, превращая воздух в стерильную пустоту.

— Ты не должна благодарить меня, — сказал он, глядя в тёмную воду. — Это я должен благодарить тебя. Ты напомнила мне, зачем я вообще ввязался в эту политическую возню. Я хотел изменить мир, чтобы люди могли быть свободными, чтобы они могли чувствовать себя так, как ты сейчас. А в итоге я сам запутался в рейтингах и голограммах, в интригах и бесконечных спорах. Я почти забыл, как это — смотреть на море и просто дышать.

Она улыbnулась — мягко, тёпло, почти по-родственному. В этой улыбке не было той фальши, которой были пропитаны все улыбки на балу. Она была настоящей.

— Ты удивительный, — сказала она. — Ты говоришь как человек, который искренне верит в добро. Но знаешь, что я поняла за свои двадцать пять лет? Добро — это роскошь. Позволить себе быть добрым могут только те, у кого есть власть и деньги. У остальных нет выбора. Они выживают. Они борются за существование, за хлеб, за крышу над головой. И доброта для них — непозволительная слабость.

Александр задумался. Он вспомнил своего отца, который работал на заводе по двенадцать часов в день, и мать, которая учила детей в школе, несмотря на низкую зарплату. Они были добрыми, но у них не было ни власти, ни денег. И всё же они не озлобились, не очерствели.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Доброта — это не роскошь. Это выбор. Я видел людей, которые имели всё и были жестокими. И видел людей, у которых ничего не было, и они делились последним. Всё зависит от того, что внутри. От того, что мы выбираем.

Она посмотрела на него с удивлением, как будто впервые услышала что-то подобное.

— Ты прав, — сказала она тихо. — Возможно, я просто слишком долго жила в мире, где доброту считают слабостью, а честность — наивностью. Это отравляет. Как медленный яд.

— Тогда мы будем вместе искать противоядие, — сказал он, и в голосе его прозвучала решимость, которой он сам от себя не ожидал.

Она положила голову ему на плечо, и они сидели так несколько минут, глядя на море. Ветер стих, и поверхность воды стала гладкой, как зеркало. Гдето далеко, на горизонте, сверкнула зарница — бесшумная молния, которая осветила облака на мгновение и погасла.

— Хочешь, я прочитаю тебе? — вдруг спросила она, поднимая книгу.

— Что это?

— Стихи. Серебряный век. Я их всегда ношу с собой. Они помогают мне не сойти с ума в этом цифровом аду.

И она начала читать тихо, почти шёпотом, но так, что каждое слово было слышно отчётливо:

«Мы встретились с тобой, как встречи снов,
В тиши ночной, у синих вод.
И ветер пел нам песни без оков,
И звёзды падали на лёд...»

Александр закрыл глаза. Он не знал этих стихов, но они звучали так, будто были написаны специально для этого вечера. Для них двоих. Для этого мгновения, когда весь мир затих, чтобы дать им эту минуту счастья.

— Это прекрасно, — сказал он, когда она закончила.

— Это Блок, — улыбнулась она. — Ты его любишь?

— Честно? Я его почти не читал. В школе, кажется, что-то проходили, но тогда я был слишком занят компьютерами и кодом. Сейчас я жалею об этом.

— Никогда не поздно начать, — сказала она, протягивая ему книгу. — Держи. Это мой экземпляр. Он старый, но я его берегу. Возьми, почитай. А когда вернёшь, расскажешь, что понял.

Он взял книгу с благоговением, чувствуя её вес — физический, настоящий вес бумаги. Это было нечто совершенно иное, чем сенсорный экран или голограмма. Это было прикосновение к прошлому, которое он так часто искал и не мог найти.

— Спасибо, — сказал он. — Я сохраню её. Как самый ценный подарок.

Она улыбнулась, и в этот момент что-то изменилось в воздухе. Между ними возникла та самая искра, о которой пишут в книгах и которую редко испытывают в жизни. Искра настоящего, искреннего чувства, которое не зависит от политики, от денег, от рейтингов. Просто человек и человек.

— Елизавета, — сказал он, глядя ей в глаза, — я знаю, что это безумно. Мы знакомы всего несколько часов. Но я чувствую, что встретил тебя не случайно. Я чувствую, что мы должны быть вместе. Несмотря на всех «больших» и «малых», несмотря на твоего отца, несмотря на всю эту систему. Потому что то, что я чувствую сейчас, — это правда. А правда сильнее любой политики.

Она долго смотрела на него, и в её глазах читалась борьба. Борьба между надеждой и страхом, между желанием и осторожностью, между любовью и долгом.

— Я тоже чувствую, — сказала она наконец, и голос её дрогнул. — Но нам нужно быть осторожными. Очень осторожными. У моего отца везде глаза и уши. Если он узнает о нас до того, как мы будем готовы, он разлучит нас. Навсегда. Он не остановится ни перед чем. Ты должен это понимать.

— Понимаю, — ответил он. — Но я готов рискнуть. Ради тебя — готов.

Она прижалась к нему, и они стояли так, обнявшись, на корме яхты, под бескрайним звёздным небом. Александр чувствовал её дыхание, биение её сердца, и впервые за много лет он был по-настоящему счастлив. Это ощущение было таким острым, таким пронзительным, что оно почти причиняло боль.

Но, как это часто бывает, счастье не длится вечно.

Телефон Александра, который он по привычке оставил в кармане пиджака — старый, кнопочный, без интернета, купленный специально для того, чтобы не быть на связи всегда и везде — вдруг завибрировал. Это было настолько неожиданно, что Александр вздрогнул. Он почти забыл, что телефон существует, что его могут найти, что мир за пределами яхты продолжает жить своей суетливой, цифровой жизнью.

Он нахмурился, доставая трубку. Незнакомый номер. Он не узнал его, но что-то внутри подсказывало — этот звонок важен.

— Алло? — ответил он, стараясь говорить спокойно, хотя сердце уже забилось быстрее.

Голос на том конце был искажённым, как будто говорили через модулятор или специальную программу для изменения тембра. Но в нём звучала странная уверенность человека, который знает больше, чем должен.

— Кокошен, слушай внимательно, — сказал голос. — Ты на яхте с дочерью Шаховского. Ты думаешь, что это романтика и свобода, но на самом деле это западня. Ты влип в большую игру, о которой не имеешь ни малейшего понятия. Ты знаешь, кто твой друг Денис?

Александр напрягся. Его рука сжала телефон так сильно, что костяшки побелели.

— Что ты хочешь? — спросил он, стараясь сохранять спокойствие, но голос его чуть дрогнул.

— Я хочу спасти тебе жизнь, — ответил голос. — Слушай, не перебивай. Денис Корсаков — твой друг детства, как ты его называешь — на самом деле работает на радикалов из «Цифрового прорыва». Он давно завербован, он уже несколько лет передаёт им информацию. Ты думал, что ваши встречи — это дружба? Нет, это были сеансы сбора данных. Он знал о каждом твоём шаге, о каждой идее, о каждом проекте. И всё это утекало к ним.

Александр почувствовал, как внутри всё похолодело. Он хотел не верить, хотел крикнуть, что это ложь, но голос был слишком уверенным.

— И это не всё, — продолжал голос. — Сегодня ночью, пока ты катаешься с дочкой князя, радикалы готовят покушение на её отца. Они взломали систему навигации его яхты и направят на неё боевой дрон. Обычный военный дрон, переделанный в самоубийцу. Если ты не хочешь, чтобы твоя будущая тёща осталась без мужа, а ты — без невесты, ты должен срочно возвращаться в порт. У тебя есть тридцать минут. Максимум. И не говори никому, что я звонил. Иначе твоя жизнь тоже не будет стоить ничего.

Звонок оборвался.

Александр замер, глядя на экран телефона, на котором высветилось «звонок завершён». Он перевёл взгляд на Елизавету, которая смотрела на него с тревогой. По его лицу, по тому, как побледнела кожа, как побелели губы, она поняла — случилось что-то ужасное.

— Что произошло? — спросила она, вставая с места. — Александр, кто звонил? Что случилось?

Он повернулся к ней, и в его глазах читалась паника, которую он пытался подавить, но не мог.

— Елизавета, — сказал он, и голос его звучал хрипло, — на твоего отца готовят покушение. Прямо сейчас. Радикалы из «Цифрового прорыва» хотят его убить. Они запустили дрон, и он уже в воздухе. Мы должны вернуться. Сейчас же. Немедленно.

Она побледнела так, что стала блее своего платья. Её глаза расширились от ужаса, но она не закричала, не заплакала. Она собралась, мгновенно, по-военному, и кивнула.

— Разворачивай, — сказала она. — Я помогу. Я знаю, как управлять парусами, если нужно. Что делать?

— Держись за поручни, — сказал он, бросаясь к штурвалу. — Я развернусь на полной скорости. Держись крепче.

Он рванул штурвал, и яхта, послушная его руке, начала резкий разворот. Двигатель завыл, переходя на форсаж, и вода за бортом забурлила белой пеной, вздымаясь фонтанами. Корпус накренился так сильно, что Елизавета схватилась за поручни, чтобы не упасть, но она не испугалась — она смотрела на берег, туда, где на причале стояла яхта её отца.

Они мчались по чёрной воде, разрезая ночь, и Александр молился про себя — он не был религиозен, но сейчас он обращался к чему-то высшему, к чему-то за пределами технологий и алгоритмов, чтобы они успели. Он смотрел на часы на приборной панели — единственный электронный элемент на этой яхте — и видел, как секунды тают, как песок в песочных часах.

Двадцать минут. Пятнадцать. Десять.

Когда они наконец причалили к пирсу «Имперiums», Александр не стал тратить время на швартовку — он просто закрепил канат быстро, на один узел, и выпрыгнул на причал. Елизавета была уже рядом, и они вместе побежали по набережной.

— Яхта отца стоит у дальнего пирса, — крикнула она, не сбавляя скорости.

— Вон там, видишь, белый корпус с золотой полосой!

— Я вижу! — ответил он. — Беги! Я за тобой!

Они бежали по деревянному настилу, и шаги их гулко отдавались в ночной тишине. Другие гости саммита уже расходились, кто-то направлялся к автомобилям, кто-то — к другим яхтам, но никто не обращал внимания на двух бегущих людей. Все были слишком заняты собой, своими рейтингами и переговорами.

Но когда они почти добежали до яхты Шаховского, на пути Александру преградил человек.

Он вырос из темноты, как призрак — высокий, худой, с бледным лицом и горящими беспокойными глазами. Это был Денис Корсаков. Его друг детства. Друг, который, по словам голоса, был предателем.

— Саша, стой! — сказал Денис, хватая его за руку. — Ты куда? Остановись!

Александр дёрнулся, пытаясь освободиться, но хватка была стальной.

— Отойди, Денис, — сказал он сквозь зубы. — Я спешу. Жизнь князя под угрозой. Я должен успеть к нему!

Денис замялся. На его лице появилось выражение, которое Александр не мог расшифровать — смесь вины, страха и отчаяния. Он сжал руку Александра ещё сильнее и прошептал:

— Саша, подожди. Я должен тебе кое-что сказать. Я должен... я не могу позволить тебе идти туда.

Александр остановился. Он посмотрел в глаза Дениса — в глаза человека, с которым он вырос, с которым делил хлеб, с которым мечтал о лучшем будущем. И вдруг он всё понял. Всё, что сказал таинственный голос, было правдой.

— Это ты? — спросил Александр, и голос его дрогнул, наполнившись горечью.

— Ты с ними? Ты продался радикалам?

Денис тяжело вздохнул, и его рука всё ещё сжимала плечо Александра, но хватка стала слабее.

— Саша, послушай, — сказал он, и в его голосе слышались нотки отчаяния, почти мольбы. — Они обещали мне пост министра цифрового развития. Они сказали, что после устранения Шаховского и перехода власти к ИИ, мы создадим новый мир. Справедливый мир. Без аристократов, без «больших» с их архаичными представлениями о власти. Только алгоритмы, которые будут управлять по справедливости. Ты ведь сам за это всегда боролся! Ты дуалист! Ты хотел, чтобы технологии приносили благо!

— Я дуалист, — сказал Александр, и голос его стал твёрдым, как сталь, — но я никогда не был убийцей. Я никогда не был предателем. Я хочу менять мир через диалог, через убеждение, через сотрудничество, а не через кровь и насилие. Ты переступил черту, Денис. Ты переступил черту и даже не заметил. Ты продался ради кресла. Ради власти.

— Я продался ради будущего! — закричал Денис, и в его крике слышалась истерика. — Мы не можем ждать веками, пока эти старые маразматика умрут своей смертью! Мы должны ускорить процесс! Это единственный способ вытащить страну из этой ямы! Или ты думаешь, что Шаховской сам уйдёт? Он не уйдёт! Он будет держаться до последнего! А с ним и вся эта система!

— Нет, — твёрдо сказал Александр. — Это не мой путь. И я не позволю вам убить отца любимой женщины. Если ты когда-то был моим другом, если в тебе осталось хоть что-то человеческое, помоги мне остановить это. Сейчас ещё не поздно. Мы можем всё остановить. Денис, посмотри на меня. Посмотри мне в глаза.

Денис замялся. Его лицо исказилось страданием — он явно был на грани нервного срыва. Он смотрел на Александра, и в его глазах читалась борьба.

— Саша, — прошептал он. — Мы уже запустили код. Дрон уже в воздухе. Через пять минут он будет над яхтой Шаховского. Если ты попытаешься его остановить, тебя тоже уничтожат. Они не остановятся перед ничем. Ты же знаешь. Я не хочу твоей смерти. Я не хочу, чтобы ты погиб.

— Тогда помоги мне, — сказал Александр, и его голос стал мягче, почти умоляющим. — Дай мне доступ к их системе. Ты знаешь, где находится командный центр. Я смогу перехватить управление дроном, если попаду туда. Скажи, где он находится.

Денис колебался. Секунда, другая, третья. А затем он сломался.

— Он здесь, в подвале комплекса, — сказал он глухо. — Комната 219. Там сидит их оператор, он управляет дроном через ноутбук. Пароль на двери —

778833. Это код, который они используют для доступа. Я не пойду с тобой, Саша. Я не могу. Я слишком труслив. Я боюсь, что они меня убьют.

— Ты уже искупил свою вину тем, что сказал мне, — ответил Александр. — Дальше я сам. Беги. Скрывайся. Но если ты когда-нибудь придёшь ко мне с повинной, я прощу тебя. Помни об этом.

Он развернулся и побежал к комплексу. Сердце колотилось, как бешеное, и в ушах шумела кровь. Он ворвался в фойе, миновал охрану, которая, к счастью, не успела его остановить — они стояли у противоположной стены и лениво переговаривались, не ожидая, что кто-то решится на вторжение в такое время.

Он скатился по лестнице в подвал — бетонный коридор, тусклое освещение, запах сырости и озон, исходящий от работающей электроники. Он нашёл комнату 219 и, не раздумывая, набрал код на панели замка. 778833. Зелёный свет. Дверь открылась.

Внутри сидел худой парень в наушниках, с бледной кожей и глубоко посаженными глазами. Перед ним стоял мощный ноутбук, на котором было подключено несколько экранов. На одном из них был виден вид с дрона — ночной пейзаж Ялты, и внизу, под дроном, освещённая прожекторами яхта Шаховского. На экране мигала красная цифра: 1 минута 47 секунд до цели.

— Выключи это! — крикнул Александр, врываясь в комнату.

Оператор вскочил, попытался закрыть ноутбук, но Александр был быстрее. Он схватил парня за плечо и отшвырнул его в сторону, а сам встал перед компьютером. Пальцы его забегали по клавиатуре — он был самоучкой, но знал основы взлома, потому что много лет работал в IT-сфере и изучал системы управления беспилотниками, когда разрабатывал свой проект «Сельский ИИ».

На экране горело предупреждение: «Блокировка перехвата. Введите ключ подтверждения». Александр замер. Он не знал ключа. Секунды летели: 1 минута 10 секунд.

В этот момент в комнату вбежала Елизавета. Она не побоялась, не осталась наверху, не стала ждать, а пошла за ним, понимая, что он может не успеть.

— Что делать? — спросила она, подбегая к нему.

— Мне нужен ключ, — сказал Александр, и голос его звучал отчаянно. — Ключ доступа к управлению дроном. Они зашифровали систему. Если я не введу правильный код, перехват не удастся! Ты знаешь, какой у них может быть ключ? Твой отец не говорил о системах обороны, о кодах для дронов?

Елизавета на мгновение закрыла глаза, вспоминая. Она слышала, как отец разговаривал со своими генералами — он часто делал это дома, когда думал, что её нет рядом.

— Он говорил о резервных кодах доступа, — сказала она. — Для всех беспилотников оборонного сектора есть общий резервный код, который используется в экстренных случаях, когда связь с оператором теряется. Это — 1945. Год Победы. Отец говорил, что это был символический жест, чтобы напоминать о том, за что мы сражаемся. Попробуй!

Александр не колебался ни секунды. Он ввёл 1945. Экран мигнул, загорелся зелёным, и система ответила: «Доступ разрешён. Управление перехвачено».

Он перевёл дух и начал быстро менять координаты цели. Дрон, который уже был в нескольких сотнях метров от яхты Шаховского и готовился к атаке, внезапно изменил курс. Александр увидел на экране, как изображение на камере дрона резко сместилось, — он перенаправил его в открытое море, на три километра от яхты, подальше от людей и судов. Он нажал «подтвердить», и дрон полетел по новой траектории.

Через несколько секунд на экране появилась надпись: «Столкновение с водной поверхностью. Сигнал потерян».

Александр откинулся на стуле, чувствуя, как колотится сердце, как дрожат руки. Он только что спас жизнь князю Шаховскому. Он только что остановил убийство.

Елизавета обняла его сзади, прижимаясь к его спине, и он чувствовал, как её тело дрожит.

— Ты спас его, — прошептала она. — Ты спас моего отца. Ты спас нас всех.

Но опасность ещё не миновала. За их спинами, на полу, застонал раненый оператор, пытающийся подняться. Где-то наверху уже слышались крики и топот — охрана поднималась по тревоге. Им нужно было уходить. Быстро.

Александр взял Елизавету за руку.

— Нужно выбираться, — сказал он. — Наверх, к твоему отцу. Он должен знать, что произошло. Он должен знать, кто за этим стоит. Иначе они попытаются снова.

Они выбежали из подвала, миновали коридоры и выскочили наверх, в ночную тьму причала. Вдали, на яхте Шаховского, уже горели огни — охрана была поднята по тревоге, кто-то заметил падение дрона. А когда Александр и Елизавета ворвались на борт яхты, князь Шаховской стоял на палубе, бледный, но спокойный, сжимая в руке старинный пистолет, который он не выпускал со времён своей военной молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.